

Л. Гудков

«В обществе не произошло
реальной структурной
дифференциации»

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gudkov_47.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

этом контексте, в конце 70-х годов возглавил профсоюзное движение с антидиктаторской направленностью, а Фернандо Энрике Кордозо, в то время ученый и оппозиционный политический лидер, считал своей главной целью с этим профсоюзным движением сотрудничать и развивать его (о чем он подробно пишет в своих недавно опубликованных воспоминаниях). Суть того, что он говорит, в следующем: действительная политическая демократия, создание устойчивых демократических институтов невозможны без одновременной демократизации общества, общественных отношений. И отсюда — важность низовых движений. Демократия в принципе невозможна без обретения достоинства всеми гражданами общества. Рынок к ней *напрямую не ведет*.

Думаю, что опыт Польши 1980-х — начала 1990-х годов очень ярко иллюстрирует необходимость единства низового социального движения и демократических интеллектуалов для разрушения авторитарной системы. В польском случае это единство «Солидарности» и КОС-КОР. Мне кажется, что дело заключается в снобизме и «народобоязни» российских либералов. Над всеми нами довлеет определенное истолкование опыта 1917 года. Я позволю себе процитировать еще одного уважаемого мной публициста и исследователя, который говорит: «политическая практика, основанная на нонконформизме, всегда чревата болезненной возгонкой косных народных масс через тернии к звездам». Здесь не место и не время вступать в дискуссию по поводу 1917 года, но мне кажется, что возможна и иная интерпретация того, что с нами произошло, а именно: массы остаются косными, становятся легкой добычей демагогов и авторитарных вождей тогда, когда им не предлагаются альтернативы, учитывающие их реальные интересы. Это произошло в 1917-м, это же произошло и в 1991 году.

Резюмируя, хочу сказать три главных вещи. Во-первых, основные издержки периода 2003—2008 годов (и шире, поскольку главный выбор был сделан раньше, в 1990-е), заключаются в том, что народ (здесь можно говорить «масса», «население», «общество») остается там, где он есть, и поддерживает власть потому, что ему не было предложено внятной альтернативы, основанной на его реальных социальных интересах.

Во-вторых, альтернатива не есть что-то объективно данное, то, что возникает в обществе спонтанно. Альтернатива — это то, что создается целенаправленной работой в обществе. У нас *не было* альтернатив в 2003—2008 годах потому, что мы их не создали. Речь не идет, сразу оговорюсь, об объединении демократических партий. Речь о выстраивании социальных союзов и социальных структур в обществе. Нам всегда некогда. У нас никогда — ни в 1990-е годы, ни сейчас — нет времени на формирование институтов гражданского общества. Мы всегда спешим. Мы все время ждем появления альтернатив сверху. Между тем значимый для демократического развития раскол в правящих группах возможен лишь тогда, когда существуют альтернативы в обществе. Без них мы встретим новый возможный раскол верхов с таким же слабым обществом, как это было в 1987—1993 годах. И с теми же последствиями для демократии.

Наконец, третье. С моей точки зрения вопрос не в том, сотрудничать нам или нет с властью. Вопрос в том, *как* с ней взаимодействовать, какая переговорная сила будет у демократов, чтобы иметь возможность воздействовать на результаты этого сотрудничества. Иначе это в лучшем случае будут пустые иллюзии, а в худшем — использование властью авторитета уважаемых людей и их кооптация в существующую систему. Я убеждена, что такую переговорную силу может дать только опора на независимые социальные движения.

«В обществе не произошло реальной структурной дифференциации»

Лев Гудков, директор Аналитического центра Юрия Левады

В отличие от Татьяны Ворожейкиной я не считаю, что у нас были созданы или хотя бы намечены демократические институты. Они были декларированы. Был провозглашен некоторый абрис — конституционный проект. Но никакой реальной работы по строительству, формированию демократических институтов не было. Как социолог, я вынужден исходить из совершенно другой картины, которую уже не раз представлял. Мы имеем дело с чрезвычайно длительным, захватывающим несколько поколений процессом разложения советской системы, идущим с разной скоростью и в разных сегментах. Сегодня проблема заключается в том, что не произошло разделения ветвей власти. Это главное. Не произошло реальной структурной дифференциации в обществе.

Это явление не новое. В 1991 году мы имели дело скорее не с революцией, а с верхушечным разломом, с кризисом верхов, с процессом, который не затронул основные структуры и институты общества. Власть осталась не дифференцированной и не контролируемой обществом. Не были созданы никакие реальные социальные, групповые, институциональные противовесы бесконтрольной, выстраиваемой сверху вниз власти.

Верхушечный разлом привел к смене идеологии, к смене кадрового состава и повлек за собой известные в политической науке явления: резкую традиционализацию общества, апелляцию к выдуманному прошлому, рутинизацию всех отношений и отказ от социальной, экономической и политической модернизации. Главное — в результате недифференцированности институтов, зависимости всех ветвей власти от исполнительной ветви оказался стерилизован сам политический механизм: оп-

ределение целей, выработка и принятие решений, политическая конкуренция, репрезентация групповых интересов, выдвижение программ и т.д., оказался стерилизован сам потенциал элиты как группы, которая задавала бы направление и цели модернизации.

Результатом этого процесса, который мы наблюдали на протяжении путинского периода, было не только устранение свободы прессы, но и общая деморализация населения. Главная характеристика современного общества — это резкое понижение его морального и интеллектуального уровня, возврат к архаическим, примитивным в своей основе мифологизированным представлениям. Именно на них основаны сегодняшние механизмы консолидации: через образ врага, через очень сильный рост негативизма ко всем, кто не высказывает симпатий к нынешней России и ее руководству, ко всем, отличающимся от базового стереотипного представления о «русском», — к приезжим, чужим, очень умным или просто другим. По нашим данным, мы никогда не имели такого уровня ксенофобии, антизападных настроений, антиамериканских, антиукраинских, антигрузинских, антипольских, антиэстонских и прочих анти... Можно долго продолжать. Механизмы негативной консолидации в соединении с удовлетворенностью ростом уровня жизни, пусть даже очень неравномерно идущим в разных группах населения, сегодня являются главными механизмами консолидации общества. Это первое.

Второе. Блокирование политической конкуренции ведет к усилению политики систематического государственного кадрового контроля, а этот контроль в условиях деморализации общества представляет собой подбор специфиче-

Джейн Александер. *Vom Boys*. 1998

ского типа человека. Не компетентного, не делового человека, ответственного перед обществом или партией, не «носителя модернизации», а персонально лояльного держателю власти.

Наиболее ценным для власти в такой ситуации типом подчиненного оказывается либо «соратник» (соучастник в делах корпорации или спецслужбы), либо *ренегат*, как называется в политической науке этот чело-

веческий феномен. Не представитель советской номенклатуры или простой исполнитель, а особый тип людей из «бывших»: бывших демократов, либералов, идеологов модернизации, ставших государственниками, державниками, защитниками «геополитических» интересов России, и прочих. Важно, что люди с подпорченной репутацией, с чувством отступничества или внутреннего предательства (прежних идей, ценностей, сторонников) составляют важнейший ресурс власти, наиболее надежный для нынешнего руководства тип лояльности. Способы манипулирования с либеральными идеями или правовыми принципами оказываются самыми результативными с точки зрения нынешнего режима, технология управления которого базируется на циничном девальвировании любых идеологий реформ, солидарности, веры в возможность изменения общественной жизни к лучшему. Важны последствия доминирования подбора подобного рода кадров и контроля с их стороны над всеми сферами общественной жизни: с одной стороны, это широкое распространение нигилизма, с другой (очень важный момент) — коррумпирование общественного мнения. Обычно, когда говорят о коррупции, то имеют в виду главным образом отношения обывателей или граждан с администрацией разного уровня и типа, государственным

чиновничеством, бизнесом и властью. Я же хотел бы обратить внимание на менее очевидную вещь: коррумпирование общественного мнения и общественного сознания через тиражирование

Главная характеристика современного общества – это резкое понижение его морального и интеллектуального уровня, возврат к архаическим, мифологизированным представлениям

или насаждение очень удобных, льстящих общественному мнению мифов, стимулирующих русский национализм, имперскую спесь и самоутверждение. Если мы откажемся понимать, каким образом общество поддерживает этот режим, мы все время будем оказываться в замкнутом кругу наших собственных иллюзий и неудач.

Как показывают самые разные исследования, уровень критичности в обществе повышается. Этот факт не подлежит сомнению. Но столь же бесспорно, что само по себе диффузное недовольство, безадресная критичность не соотносятся с практической плоскостью отношений с властью или готовностью изменить нынешнее положение вещей; они не реализуются и не будут реализованы в практическом действии, в политическом участии, в принятии на себя ответственности за состояние дел в стране. Явление интеллигентского критицизма ближе всего к памятным разговорам на московских кухнях. Оно становится составной частью общей зависимости, дезориентированности, чего и добивается режим.

Еще один важный момент хочу подчеркнуть. Мы имеем дело с усиливающимся разрывом центра (крупнейших мегаполисов, где все-таки складывается какая-то рыночная, информационная и социальная инфраструктура) и периферии, в которой проживает две трети населения.

Ресурсы этой части населения очень незначительны. Бедная периферия в наибольшей степени страдает от разрушения советской системы, так как компенсировать развал прежних институтов (социального обеспечения, здравоохранения, образования, коммуникаций и прочего) ей нечем. Единственная ее надежда на изменение ситуации — помощь от властей. Пусть это иллюзии, но они характерны для политической культуры государственного патернализма, присущей подавляющей части населения России. И поскольку они сохраняются, сохраняется и зависимость от власти, поддержка этой власти, так явно проявляющаяся во время выборных компаний. Почему-то наши демократы главный упор делают на административном ресурсе и фальсификациях во время выборов, но мало кто принимает во внимание сочетание патерналистских ожиданий и демагогии околоэлитных кругов, явно процветающих при нынешнем режиме. По данным исследований, выиграло от всех перемен около 20 процентов, составляющих верхние страты населения. Эти группы получают более 60 процентов всего прироста доходов, они более образованны, живут в более развитой социальной и информационной среде. Но именно они, то есть самая коррумпированная властью социальная среда, и обеспечивают в информационном, интеллектуальном и пропагандистском плане доминирование тех представлений, которые позволяют власти удерживать контроль над обществом, тиражировать те массовые стереотипы и идеи, которые блокируют процессы развития и модернизации общества. Фактически мы потеряли, если исходить из интересов модернизации, нынешнее поколение. Реально оно, несмотря на всю технологическую оснащенность, информационную обеспеченность, знание языков, гибкость приспособления к новым тенденциям,

готовность к смене образцов жизни, полностью стерилизовано. Оно не будет носителем модернизационных ценностей. Чтобы не потерять окончательно саму перспективу, нужно уже сегодня работать на будущее, нужно готовить следующее поколение. Но без понимания особенностей посттоталитарного общества, в котором мы живем, эта работа обречена. Предаваясь ставшей в наших условиях довольно пустой либеральной риторике, делая акцент на пропаганде, научении или защите ценностей демократии, демократы оказываются в опасном положении забалтывания в общем-то правильных идей, но в реальных условиях оказывающихся весьма отвлеченными. Именно непонимание или даже просто неумение принять во внимание представления широких слоев населения, невнимание к массовым интересам оборачиваются преувеличением значимости левых идеологий и движений, равно как и расчетом на то, что приближающийся кризис будет усиливать волну социальных протестов и активизацию демократического движения. Аналитическая работа сама по себе трудна, а в расчете на будущее поколение — трудна вдвойне. Каналы публичной коммуникации перекрыты. Общественное мнение как институт, без которого демократические процессы невозможны, сегодня практически деградировало или находится на последнем издыхании. Как социолог, много лет занимающийся его изучением, я могу это утверждать. Сегодня в ходе массовых опросов и социологических исследований мы ловим лишь эффект воздействия пропаганды, результаты манипуляции массовым сознанием и массовыми настроениями. Независимых источников авторитета или влияния на общество практически не осталось. Поэтому повторю еще раз: самая главная и самая тяжелая проблема — адекватный анализ и объяснение общественных феноменов.

Об элите развития

Николай Розов, доктор философских наук,
профессор Новосибирского государственного университета

Кризис — это ситуация бифуркации, когда возникает множество альтернатив, ведущих к разным социально-политическим траекториям. Богатый инструментарий макросоциальных исследований позволяет проследить основные траектории: очень глубокие колеи в развилках, ведущие к неблагоприятным сценариям (повторению накатанных столетиями циклов), и узкие трудные тропинки в тех же развилках, ведущие к относительно благополучному исходу*.

Кризис — это политическая перспектива расползания «вертикали власти». К чему это может привести? Первая развилка такова: кто-то (или прежняя, или новая правящая группа) захватывает всю полноту власти, и вместо слабого авторитаризма (а он у нас слабый из-за борьбы кланов) мы приходим к диктатуре. Это не самое приятное, но вполне соответствует стереотипам «сильной руки», «хозяина», «порядка» и т.д.

Другая альтернатива — полиархия (термин американского политолога Роберта Даля), то есть появление нескольких автономных центров силы со своими ресурсами. Вот здесь очень важно, сумеют они или нет договориться между собой и заключить пакт. Тут я должен возразить тем, кто надеется только на просвещение, выращивание новых поколений и пресловутое медленное вызревание снизу гражданских институтов. *Без пакта — договора автономных центров силы — к демократии не прийти.*

В указанной статье перспектива получилась весьма пессимистичной, но луч надежды все-таки есть, потому что кроме властной элиты у нас еще существует *элита развития***. Это люди, занимающие примерно вторые-третьи руководящие позиции в самых различных государственных и негосударственных структурах. Не только среди интеллектуалов, но и среди чиновничества, в бизнесе, армии и даже в части спецслужб есть элита развития, которая во все не в восторге от вертикали власти и проводимого ею политического курса, и которая считает хоть и маловероятным, но предпочтительным для страны именно демократическое развитие с публичной политикой, честной конкуренцией и настоящими выборами.

Сегодняшняя задача интеллигенции, интеллектуального сообщества — превратить эту разобщенную элиту развития, говоря словами Маркса, «из класса в себе в класс для себя», чтобы она осознала свои интересы, прежде всего в плане *личной безопасности и защиты собственности*.

Если элита развития остается «классом в себе», каждого по отдельности можно арестовать, засудить и лишиться собственности, например, за симпатию и поддержку оппозиционных сил.

Элита развития как «класс для себя» благодаря осознанию себя и своих интересов, благодаря взаимной поддержке и солидарности способна добиться от власти того, чтобы в политической

* Сошлюсь в этой связи на свою статью «Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России» (Полис, 2008, № 5), где обозначены эти развилки и детально представлены объективные структурные условия для каждой альтернативы и процедурные условия: о чем нужно договариваться, чтобы пройти по тропинке, а не соскользнуть в привычную колею российских циклов.

** См.: Афанасьев М.Н. *Российские элиты развития: запрос на новый курс*. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. — 132 с.